

Валерий ШАРАПОВ

Крысиный король

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Крысиный король / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-248616-6

Лето 1966 года. Ударом по голове убит грузчик универмага Юрий Вадимченко. Разбросанные в беспорядке вещи, выдвинутые ящики стола, раскрытый шкаф — преступники явно что-то искали в квартире убитого. Но что могло быть ценного у обычного выпивохи, который ранее неоднократно привлекался за хулиганство? Подполковник милиции Андрей Плотников строит различные предположения, пока не находит на месте преступления обычные с виду банки «Завтрак туриста». Содержимое одной из них буквально ошеломило опытных сыщиков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248616-6

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

— Ну и что ты решил? — спросил Базиль, высокий мужчина в светло-сиреневой рубашке с коротким рукавом.

Он брезгливо отодвинул пустую бутылку из-под портвейна носком ботинка.

— Я тебе все сказал, — ответил ему мужчина в грязной футболке. — Не резон мне на меньшее соглашаться. Товар чистый. Никто его не хватится.

— За такую цену, Юра, никто у тебя этот товар не возьмет. Сколько лет он у тебя лежит? Ты так всю жизнь его у себя и продержишь, — он красноречиво обвел комнату взглядом, — а сам в помойке так и подохнешь.

Юра закурил и привычно закашлялся, вдохнув дым. Он сидел на кровати с панцирной сеткой и был заметно нетрезв. Перед ним стояла полупустая бутылка портвейна. Ночь выдалась беспокойной, хотя привычной попой-

ки с друзьями сегодня не случилось. Базиль пришел не с пустыми руками, а как настоящий дорогой гость с гостинцами — четырьмя бутылками портвейна и парой яблок.

— Это уже не твоего ума дело, — мрачно ухмыльнулся Юрий, — ты лучше заканчивай резину тянуть, а то мне на смену скоро выходить. Еще протрезветь надо. Будешь брать, так деньги вперед, и адью, как говорится. А не будешь, так проваливай. Другого благодетеля найду!

Он встал и пошел в коридор к рукомойнику, чтобы умыться.

— Ты не понимаешь, голубчик, — сказал мужчина в рубашке тихим, но твердым голосом, — от такого товара не отказываются. Это тебе не помидоры на рынке выбирать — нравится, не нравится! Товар будет у меня. Тебе решать, добровольно или нет.

Мужчина остановился, не дойдя до рукомойника.

— Не понял, — сообщил он. — На понт берешь? — Он подошел к Базилю и уже громче продолжил: — Иди дружков своих запугивай! Я тебе дело предложил, а ты жадничаешь! Проваливай!

Он пнул стоящий рядом стул. Грохот, который раздался в утренней тишине, заставил мужчину вздрогнуть. Возникла пауза. Юрий расценил это как успешную попытку отраже-

ния нападения и повернулся к Базиллю спиной, намереваясь все же дойти до рукомойника. Базиль опустил глаза вниз на широкий табурет, застеленный газетой. На нем еще стояла целая бутылка портвейна. Он осторожно взял ее и со всего размаху приложил по затылку своего несостоявшегося партнера. Тот в некотором ступоре повернулся. Потрогал затылок. Увидел кровь. И снова отвернулся, намереваясь бежать, но не успел сделать и шага, как получил второй удар. В этот раз бутылка разбилась, на плечи и лицо мужчины посыпались осколки и темные капли портвейна. Он повалился на пол, но попробовал встать. Тело его не послушалось, и он, дернувшись напоследок, испустил дух.

С плохо скрываемым раздражением Базиль отбросил оставшееся в руках горлышко бутылки и стал оглядываться. Он перешагнул через тело Юрия и устремился к шкафу. Открыл дверцу и принялся рыться в вещах. На пол полетела одежда, поднимая в воздух пыль.

Мужчина кинул взгляд на дверной проем, ведущий в коридор, и рукомойник, к которому так стремился Юрий. Он был пустой. Воды в нем было едва больше половника. Он открыл шкаф, где хранились припасы, разодрал куль с крупой и нетерпеливо просунул руку внутрь. Не найдя ничего, он в нетерпении отшвырнул куль на пол, рассыпав крупу по всей кухне.

От соседей послышался шум, и мужчина на секунду замер, прислушиваясь к движению за дверью. Быстрым взглядом он скользнул по полке, на которой еще стояли консервы. Запустил руку вглубь шкафчика, пытаясь отыскать там одному ему известный предмет. С грохотом упали на пол банки. Тогда мужчина, наплевав на тишину, ускорил поиски. Он прошелся вдоль половиц, простучав по каждой. Вернулся в комнату и еще раз обшарил вещи убитого, но ничего не нашел. Он бросил злой взгляд на распластанное на полу тело и вышел прочь, оставив дверь открытой.

ГЛАВА 1

Первые дни июня выдались жаркими. Даже раннее утро не приносило долгожданной прохлады. Ночи стояли теплые, и нагретый за день воздух не успевал остыть. Оттого так радостно было увидеть, как на горизонте собирались тучи, обещаая долгожданную передышку.

Маленький двор старого купеческого дома, где теперь располагались шесть квартир, был полон народу. Сотрудники милиции, как могли, отгоняли любопытствующих от машины и просили не загораживать проход в подъезд. Ребяшня, у которой только начались каникулы, сновала по двору и точно не собиралась оставаться в стороне от происходящего.

Подполковник милиции, следователь по особо важным делам Андрей Геннадьевич Плотников, кивнул коллегам и быстро поднялся в четвертую квартиру. Это была небольшая комната, квадратов восемь, не больше, с узким коридором.

На одной из стен висел старый рукомойник, под которым стояло ржавое ведро. Рядом валялась разбитая этажерка, на которой, по всей видимости, хранились припасы. Теперь по полу были рассыпаны крупы и консервные банки. Табурет, прикрытый газетой, чудом остался на месте.

Сама комната имела не лучший вид. Немногочисленные пожитки ее хозяина валялись по полу. Куций матрас был бесцеремонно откинут в сторону от панцирной сетки. В комнате пахло сигаретами, перегаром и кровью. Возле задернутого старой ветошью окна стояли криминалисты. На полу Андрей Геннадьевич увидел тело мужчины. Он лежал лицом вниз. Его руки были раскинуты, а ноги застыли в положении, как если бы он пытался встать. Из раны на затылке натекла кровь.

— Что удалось выяснить? — спросил Плотников.

— Да пьянчуга обыкновенный! — с готовностью отозвался майор милиции Станислав Николаевич Михалюк. — Убитый Вадимченко Юрий Иванович, тридцать первого года рождения, беспартийный. Работал грузчиком в местном универмаге. Часто привлекался за хулиганство. Убили, видимо, бутылкой по темечку. — Михалюк придирчиво оглядел горлышко бутылки с уцелевшей этикеткой. — Портвейн, что ли? А кто-нибудь такой пил? Мне Валька

моя поручила спиртное к юбилею тещи достать. А у меня ж язва, я не пью! Андрей Геннадьич, не знаете, он хороший?

— Давай не спешить с выводами, Стас, — ответил Плотников, проигнорировав вопрос майора о портвейне.

— Слава, что говорят соседи? Когда обнаружили тело? — обратился он к капитану милиции Вячеславу Миролюбову, который только вошел в комнату.

— Соседи говорят, что покойный тут раньше проживал с матерью. Иногда уезжал на заработки. Куда — они не знают. Матери не стало пять лет назад. С тех пор Вадимченко жил здесь постоянно. Выпивал, хулиганил. Соседи часто писали на него жалобы. Обнаружила его соседка из квартиры напротив. Говорит, что рано утром услышала, как он с кем-то ссорился, а потом увидела, что у него в квартиру дверь открыта. Так и нашла его.

— Все понятно, Андрей Геннадьич, — с чуть уловимой южнорусской интонацией сказал Михалюк, — скурвился!

Андрей Геннадьевич еще раз обвел маленькую комнатку взглядом. Такой погром не мог остаться после простой драки, если вдруг она была. Раскиданные вещи и открытые ящики в шкафу указывали на то, что убийца что-то искал. Но что ценного может быть у пропойцы, работающего грузчиком в универмаге?

Плотников вышел в коридор и недолго постоял возле рукомоynика. Он был старый, еще жестяной. Неизвестно, сколько лет он висел приколоченным к деревянной стене. Сейчас таких уже не делали. Плотников обошел поваленную этажерку и присел на корточки возле табурета.

— Слав, посвети сюда, — крикнул он Миролюбову.

Капитан послушно вытащил фонарик из портфеля и направил луч света в угол, осветив несколько консервных банок «Завтрака туриста» с помятыми от падения боками.

— Гадость редкая, Андрей Геннадьич, — отозвался присевший рядом Михалюк, — лучше тушенки набрать.

— Тут, Стас, дело не в содержании, а в форме. Ничего не замечаете? — обратился он к коллегам.

— Нет, — разочарованно ответил Миролюбов.

Он только недавно перевелся в отдел по раскрытию особо тяжких преступлений, получил капитанские погоны и стремился выслужиться перед начальством со всем запалом, какой бывает у молодых специалистов.

— Смотрите, — сказал Плотников, беря одну консервную банку, — как необычно она запаяна. — Он указал на плоскую крышку, лишенную привычных бороздок.

— Ребята, не поможете? — обратился он к криминалистам, все еще работающим возле тела.

Глядя на то, как специалист орудует тонкими пассатижами, отгибая края банки, Плотников еще раз удостоверился в правдивости своих подозрений. У Вадимченко что-то искали, поэтому он сейчас лежит мертвый.

— Обыкновенная нычка, Андрей Геннадьевич, — отозвался криминалист, когда банка была открыта и из промасленного слоя папиросной бумаги на руку выкатились полупрозрачные камни, похожие на речное стекло.

— Что это? — в удивлении спросил Михалюк. — Стекляшки, что ли?

— Это не стекляшки, Стас, а необработанные алмазы. Вот что! — после секундной паузы сказал Плотников. — Привлечем кинологов с собаками. Возможно, удастся что-то выяснить по горячим следам. Стас, Слава, вы сейчас заканчивайте опрашивать соседей. Мало ли, друзей кто его помнит или, может, интерес у него сердечный был... Сами знаете. А я к Калашникову с докладом. В этом деле нам никак без него.

Мужчина уже почти вышел из комнаты, как услышал обращенный к нему жалобный вопрос Михалюка:

— А с портвейном-то что, Андрей Геннадьевич? Женщинам его покупать прилично?

Вместо ответа Плотников только посмеялся. Он сам не пил, следуя примеру отца. Тот мог позволить себе только рюмку водки по большим праздникам, а после пил крепкий чай. Оказавшись во дворе, Плотников с удовольствием вдохнул свежий утренний воздух. Он не терпел запаха алкоголя и с брезгливостью относился к тем, кто выпивал.

Плотников был среднего роста. Его движения, несмотря на плотное телосложение, были спокойными и обладали той особенной решительностью, которая свойственна только увлеченным людям. У него были светлые глаза и широкий лоб. Он редко повышал голос, но если приходилось выговаривать подчиненным или вести допрос, тон его становился жестким, а голос, пусть и не срывался на крик, заставлял нервничать.

— Миша, — обратился он к шоферу, который снисходительно поглядывал на ребяташек, обступивших его автомобиль, — давай сейчас в отделение.

— Закончили? — удивился шофер.

— Скоро сказка сказывается... — ухмыльнулся Плотников. — Нет, Миша, мне к Калашникову.

Они проехали проулками и оказались на главной улице Владимира. За последние двадцать лет, что Андрей Геннадьевич прожил в этом

городе, Владимир расцвел. Теперь уже ничего не напоминало о том маленьком, переполненном бесконечными обозами городке, куда его доставили на санитарном поезде вместе с десятками других раненых. Владимир рос. Вчерашние дети, прятавшиеся от бомбежек в убежищах, теперь воспитывали собственных детей. Строились здания. Работали заводы. Жизнь шла своим чередом.

* * *

Утренние лучи оставляли блики в окнах домов. Вдалеке еще виднелась утренняя дымка, которая стремительно таяла под натиском просыпающегося июньского солнца. Мужчина чиркнул спичкой и тут же, спрятав пламя от ветра в ладонях, прикурил папиросу. Он оглянулся по сторонам и не спеша побрел вдоль зданий. Утро окрашивало в розовый улицы Владимира, и он почти наслаждался тем, что на тротуарах пока было немногочленно.

— Давно ты заграничные стал курить? — слышал он вопрос.

Сбоку от него, чуть позади, шел Базиль. Выглядел он неважно. На светло-сиреневой рубашке виднелись темные следы. Пахло от него табаком и алкоголем. Под мышкой он нес портфель, а в руке шляпу.

— Да подфартило, — отмахнулся мужчина. — Тебе чего? Выглядишь паршиво. Где твой холеный вид?

— Дело есть, — просто ответил Базиль, проигнорировав вопрос о внешности.

— Какое? — Голова мужчины дернулась.

— На Мира выставка проходит. Оттуда нужно кое-что увести. Аккуратно, чтобы никто не заметил. Понял? — осторожно сказал Базиль.

Мужчина кивнул, и голова его снова от тика дернулась.

— В эту пятницу, — продолжал Базиль, — выставка закрывается. Будь внутри, когда начнут собирать экспонаты. Мне нужна вот эта вещь. — Он достал из кармана вчетверо сложенный вырванный из книги листок.

— Это? — не поверил мужчина.

— Делай, что говорят, дорогой, — снисходительно ответил Базиль. — За, как ты выразился, «это» хорошие деньги платят.

— Сделаю, раз платят, — усмехнулся мужчина.

— Сходи сегодня, присмотришь. Как соберешься, прикинься рабочим. Так не сразу хватятся.

— Да не дергайся! Дело знаю, — ответил мужчина.

— Это тебе не хату обнести. Здесь уровень другой. Работать нужно тоньше, — возразил Базиль.

— Заканчивай лирику разводить! Ее на хлеб не намажешь. — Мужчина резко остановился.

— Обижаешь, — усмехнулся Базиль и протянул мужчине скрученные в рулон купюры.

— Остальное после дела. И смотри не болтай! — процедил сквозь зубы Базиль и, резко развернувшись, быстро зашагал в противоположную сторону.

* * *

Зеваки разошлись. Рабочий день разогнал последних любопытствующих. Миролубов сидел на лавочке возле подъезда вполоборота к толстой старухе, не желавшей разговаривать с ним. Полный энтузиазма капитан не собирался так просто сдаваться. Лидия Ивановна и вправду была ценным свидетелем. Во-первых, она жила в этом доме много лет, еще до войны. Знала Вадимченко еще ребенком. И во-вторых, именно она была той, кто вызвал милицию, обнаружив бездыханное тело непутевого соседа.

— Лидия Ивановна, вы говорили, что слышали, как Вадимченко с кем-то ссорился рано утром. Вы не видели, кто это был?

— Много к нему ходило всяких, — отмахнулась женщина и демонстративно отвернулась от Вячеслава.

— Вы не заметили, Вадимченко ссорился с одним человеком или их было несколько?

В ответ ему было только раздраженное сопение старухи.

Михалюк стоял чуть поодаль и не без интереса наблюдал за стараниями своего младшего коллеги разговорить женщину. Когда год назад Миролюбова перевели к ним в отдел, Плотников лично попросил натаскать новичка. И они сдружились. Веселый балагур Михалюк, слишком шумный, по мнению некоторых его коллег, уживался со спокойным и рассудительным Миролюбовым. У Вячеслава был легкий характер. Он не стремился конфликтовать и принимал людей со всеми их недостатками полностью, без оговорок.

Чуть поодаль мальчишки, которые все утро носились рядом с милицейской машиной, теперь на пустыре за домом стреляли из рогатки по консервным банкам. Михалюк пошел к ним. Он усмехнулся на особенно меткий удар одного мальчишки и, встав рядом, стал наблюдать.

— Да ты не торопись, — напутствовал он. — Локоть не задирай, и пусть эта рука у тебя не гуляет. Четче надо!

Пацаны уважительно слушали милиционера, притихнув, но занятия своего не оставили.

— Дай покажу, — не выдержал Михалюк, когда младший в их компании в очередной раз не справился с рогаткой, запустив камнем себе в ногу. — Вот так держишь рогатину и вот так оттягиваешь. Ты резинку держи вот этими пальцами, не кулаком. Понял? Эть! — И камень точно ударил по консервной банке, которая с грохотом упала с нехитрого постамента из старых ящиков.

— Дяденька милиционер, — отважился один пацан, что был постарше. — А правда, что у дяди Юры мозг вытек?

— Дядя Юра, значит? — ухмыльнулся в светлые усы Михалюк. — И что, хорошо ты его знал?

— Он хороший был, — тут же отозвался другой пацан. — Конфетами нас угощал.

— А Ваську из соседнего дома сигареткой как-то угостил. Что ему дома потом было! Мамка его месяц во двор не пускала! — под дружный смех сообщил старший мальчуган.

— А друзей дяди Юры вы, случайно, не знаете? — спросил Михалюк.

— А они у него в очереди все, — промямлил младший, все еще вертя рогатину в руках.

— В какой очереди? — не понял Михалюк.

— Ну в очереди за пивом, — пояснил старший. — Там, сбоку от универмага.

— Может, вы мне покажете их? — обрадовался Михалюк.

— А вы приходите после обеда.

— Это почему? — удивился майор.

— Так пиво до обеда не отпускают, — пояснил старший мальчик с торжеством, что знает что-то, о чем взрослый понятия не имеет. — Я тут живу во второй квартире. Меня Степаном зовут, — представился он и деловито пожал руку Михалюку.

— Я Серега, — протянул руку майору белобрысый веснушчатый мальчишка, а это, — он указал на младшего в их компании, — Петька, он в сентябре в первый класс идет.

— Ну, это большое дело. — Михалюк потрепал мальчика по голове. — Значит, я вернусь в два. Только уж ты смотри, Степан, не подведи.

— Честное октябрятское! — прокричал мальчишка.

Михалюк развернулся обратно. Миролубов уже не спрашивал ни о чем Лидию Ивановну. Та, тяжело кряхтя, поднялась со скамейки и, ворча себе под нос, ушла в дом.

— Ну что? — спросил Михалюк.

— Не густо, — вздохнул Миролубов. — Она слышала какой-то шум рано утром, пример-

но с четырех до пяти утра, точно не помнит, во сколько. Сначала не придавала этому значения. У Вадимченко часто было шумно. Заметила, что дверь в квартиру была открыта, только когда сама стала подметать общий коридор. Так и обнаружила тело.

— Пять утра, говоришь? — задумался Михалюк. — И что, никто из соседей ничего не видел? Двор маленький, спрятаться негде. Впереди пустырь, с другой стороны улица... Все как на ладони... Ты бы куда побежал? — спросил он у Миролюбова.

Капитан задумался на минуту, осматривая окрестности.

— Побежал бы в сторону вон того сарая, — махнул он рукой — там если бы и заметили, то только из соседнего дома.

— Пока добежал бы, тоже на глаза попался, — возразил Михалюк.

— Раз свидетелей нет, то не попался, — улыбнулся капитан, — или не попался в этом доме. Пойдем к соседям.

Они пересекли двор и возле старого сарая, в котором теперь хранился домашний скarb жильцов, повернули влево и оказались возле соседнего дома, огороженного деревянным забором. Его окна смотрели прямо на них, и Михалюк одобрительно цокнул языком.

ГЛАВА 2

Денис Семенович Калашников, бывший однополчанин и закадычный друг Плотникова, теперь служил оперуполномоченным уголовного розыска, ОБХСС. Им часто приходилось работать вместе. Он был высоким и сухопарым. Носил короткую стрижку, потому что стеснялся своих волнистых волос. Так и говорил — «не по-мужски», когда случалось пропустить визит к парикмахеру и отросшие волосы отказывались лежать на голове смиренно.

Андрей Геннадьевич был родом из Смоленска. В первые дни войны, вчерашний студент школы милиции, он ушел добровольцем на фронт. Редкие письма от родных вскоре перестали приходить. Он ничего не знал об их судьбе, а когда узнал, то был оглушен — родители и младшие сестра и брат погибли. А потом неподалеку от него взорвалась граната, которая откинула его навзничь, разорвав правый бок. Второй